

Бадлаева Т. В.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ М. Н. ХАНГАЛОВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНОГО ФОНДА ЦВРК ИМБТ СО РАН)¹

В связи с 160-летием со дня рождения выдающегося бурятского этнографа и фольклориста, просветителя Матвея Николаевича Хангалова в статье актуализируется часть его творческого наследия, хранящаяся в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, в частности, личная переписка со знаменитыми российскими и бурятскими учеными и общественными деятелями: М. Н. Богдановым, Ц. Ж. Жамцарано, Д. А. Клеменцем, М. М. Сахьяновой и т. д. Приводятся наиболее интересные и характерные цитаты, которые детально раскрывают не только дружеские и научные связи М. Н. Хангалова, но и малоизвестные факты из жизни и деятельности его ближайших друзей и коллег – представителей передовой российской и бурятской интеллигенции. Акцентируется значение этой переписки в качестве источника по развитию бурятского социума в начале XX столетия. В целях сохранения этого уникального письменного наследия обосновываются его дальнейшая систематизация и дигитализация.

Ключевые слова: М. Н. Хангалов, Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, личная переписка, научное значение, описание

Badlaeva T. V.

THE EPISTOLARY HERITAGE OF M. N. KHANGALOV

The article is dedicated to 160th anniversary of the outstanding Buryat ethnographer and folklorist, enlightener Matthew Nikolaevich Khangalov. It is a part of his creative heritage, stored in the COMX of the IMBT SB RAS that is being analyzed. Namely, his personal correspondence with the famous Russian

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.187.1.4. «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5).

and Buryat scientists and public figures: M. N. Bogdanov, Ts. Zh. Zhamtsarano, M. M. Sakhyanova. The author cites the most characteristic and interesting quotes from letters. They reveal in details not only the friendly and scholarly ties of M. N. Khangalov himself, but also little-known facts from the life and work of his closest friends and colleagues from representatives of the advanced Buryat intelligentsia.

For example, they contain such information as: publishing collections of Buryat folklore for general public, discussion about the development of Buryat script, activities in the field of organizing schools, teaching native language, the benefits of an informal approach to translating Orthodox and educational literature for Buryats.

Thus, the significance of this correspondence as a source on the history of the intelligentsia and the history of the study of shamanism in Buryatia at the beginning of the 20th century is emphasized. Systematization and digitalization of this unique written heritage is planned in order to preserve and further study of it.

Keywords: M. N. Khangalov, the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, IMBT SB RAS, private correspondence, scientific significance, description

В 2018 г. исполняется 160 лет со дня рождения видного бурятского ученого, педагога и просветителя Матвея Николаевича Хангалова. Его жизнь и деятельность исследованы в трудах Е. М. Залкинда, П. Т. Хаптаева и других исследователей. Музей истории Бурятии регулярно проводит конференцию «Хангаловские чтения». Кроме того, личный фонд ученого, хранящийся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН получил освещение в публикациях И. А. Дамбуевой и Д. В. Дашибаловой [Дамбуева, 2014; Дашибалова, 2008; Залкинд, 1945; Залкинд, Хаптаев, 1983]. В сообщении говорится лишь о незначительной толике его обширного творческого наследия – нескольких наиболее характерных эпистолах. Как известно, М. Н. Хангалов состоял в дружеских отношениях и сотрудничал с известными российскими и бурятскими уче-

ными, просветителями и общественными деятелями: Н. Н. Агапитовым, М. Н. Богдановым, Ц. Ж. Жамцарано, Д. А. Клеменцем, Д. П. Першиным, Г. Н. Потаниным, А. М. Станиловским, Н. М. Ядринцевым; своими учениками: М. И. Амагаевым, Г. Г. Данчиновым, М. М. Сахьяновой и др. Эта переписка содержит ценные и интересные сведения об их жизни и деятельности. В ней раскрывается их искренняя дружба, взаимная поддержка, мечты и планы по улучшению жизни бурятского народа, приоткрывается их внутренний мир и творческая лаборатория.

Для более полной характеристики этого наследия автор вынужден привести наиболее интересные, характерные цитаты не только самого Матвея Николаевича Хангалова, но и его ближайших друзей и коллег.

Например, в одном из писем известного бурятского общественного деятеля и публициста М. Н. Богданова мы узнаем об издательской деятельности бурятских ученых по созданию транскрипции и нового алфавита бурятского языка и различных точках зрения на эту проблему, что Б. Барадиным уже в начале XX в. была разработана латинская транскрипция бурятского языка, вызвавшая дискуссию между сторонниками традиционного монгольского алфавита и латинского. Эти письма иллюстрируют пути развития бурятской письменности в начале XX столетия: «Дорогой Матвей Николаевич! В Петербурге мы разработали широкий план издания особых “Бурятских сборников”. Эти “сборники” должны служить целям изучения бурятского языка, коренного языка бурятского эпоса и шаманских гимнов, так как именно этот язык должен быть положен в основу литературного языка бурят.

Мы и задумывали издавать с этой целью сборники произведений бурятского народного творчества для широкой публики, для всей бурятской интеллигенции, а не только фольклористов. В этих целях нам кажется, как нектар была пригодной приспособленная для бурятского языка Барадиным латинская транскрипция. Ни монголо-бурятский алфавит Агвана Доржиева, ни академическая

транскрипция, как слишком сложные, не годились для этой цели. На первом плане тут должны быть удобство и легкость для чтения и письма и возможность начать эти сборники в любом провинциальном городе. Поэтому Барадин старался избежать надстрочных знаков, осложняющих письмо» [ЦВРК. ЛАФ № 4. Д. 5. Л. 3]. Эти сборники предполагалось издавать с латинской транскрипцией. М. Н. Богданов писал: «Не лучше ли приступить к изучению языка народного творчества, хотя бы при посредстве латинской транскрипции? Спрос на алфавит растет. Вот на масленицу в Иркутске ставился спектакль на бурятском языке. На Пасху будет ставиться новая пьеса. Я, конечно, ничего не имею против, если и агвановским алфавитом будут писать и печатать книги, находящие это удобным. Но и другой части нашей интеллигенции, находящей это затруднительным почему-либо, нужно дать в руки оружие. Пусть будут заняты все руки, пусть все работают, пишут, собирают на каком угодно алфавите, но только пусть никто не остается праздным, ждущим у моря погоды. С этой точки зрения, лучше даже, если оба алфавита вступят между собой, на практической почве, в борьбу за право гражданства: всеобщее распространение получит, в конце концов, тот алфавит, сторонники которого более деятельны, развивают большую энергию, работают более плодотворно. Только при этом условии у нас все руки будут заняты, и ни один чуткий работник не останется праздным. Вот, дорогой Матвей Николаевич, какими целями и задачами задались составители латинской транскрипции.

Самые сборники мы решили выпускать в размере 5-печатных листов, в формате в 16-ю долю листа, доступной для самой широкой публики. В состав сборников должны войти образцы бурятского эпоса и шаманских текстов, собранных Жамцарано и Вами. Досадно и печально, конечно, что они (эти материалы) до сих пор лежали под спудом, либо издавались в дорогих академических изданиях и в транскрипции, доступной лишь для немногих специалистов. Если бы мне удалось осуществить план по изданию

названных бурятских сборников, то сразу же был бы заложен прочный фундамент как для изучения прошлого народа, его религиозной психологии и миросозерцания, так и создания литературного языка бурят. Но осуществить наш план, оказывается не так-то легко. Главное затруднение – отсутствие средств. Как Вы Матвей Николаевич, относитесь к этому делу? Может быть, оно найдет отклик в Вашем сердце? Если Вы что-нибудь можете сделать для целей издания указанных сборников – то, пожалуйста, сообщите мне в ближайшем будущем. Ваши предложения мне нужно сообщить в Петербург. По этому вопросу Барадин в настоящее время ведет деятельную переписку с Жамцарано. На издание каждого выпуска по самым приблизительным подсчетам потребуется около 300 рублей. В год будет выходить не менее 2-х выпусков. Можно ли хотя бы на первый раз собрать 300 рублей? Ежегодно потребуется около 600 рублей. Часть этой суммы будет окупаться продажей книг. Если кто-нибудь из наших капиталистов единолично взял на себя это издательство, можно было на обложке каждый раз печатать “Изд. такого-то”. Честь быть первым бурятским издателем представлялась бы крайне заманчивой. Как посмотрят на это наши тузы? А то, может быть, можно было собрать указанную сумму по подписке. Сообщите пожалуйста Ваши предложения ...» [Там же. Д. 5. Л. 3, 3 об., 5].

Из другого письма М. Н. Богданова мы узнаем о его работе по изучению истории бурят: «Последние три месяца все посвятил бурятской истории: просмотрел все известия о бурятах с древнейших времен, переписал все исторические акты и документы, относящиеся к бурятам. Одни выписки заполнили 60 листов писчей бумаги. К сожалению, за незнанием языков, французская и английская литература осталась не использованной мной. Но сочинения на немецком языке, по крайней мере, наиболее известные, использованы. Пришел к заключению о необходимости изучения истории монголов для выявления многих сторон быта древних бурят. Но все-таки все это только начало, основание. Вы особенно настаива-

ли на необходимости изучения обычного права бурят. Для этого данных крайне мало в литературе, тут придется еще собирать материал. Но экономическую историю можно построить и теперь на основании тех, хотя тоже очень скудных материалов, которые имеются в печати. В будущем думаю объехать всех бурят и своими глазами посмотреть на все ... » [Там же. Д. 5. Л. 12, 12 об.]

Переписка М. Н. Хангалова с выдающимся ученым, общественным деятелем Ц. Ж. Жамцарано также открывает нам новые и интересные факты об их дружбе, поддержке и взаимном сотрудничестве. Как известно, часть его творческого наследия хранится в Государственном Русском музее (бывший музей императора Александра III). Например, 1907 г. Ц. Ж. Жамцарано писал М. Н. Хангалову: «Вы ведь прекрасно знаете, что и я, и Д. А. – думой и делом преданы бурятам и дорожим всем, что может иметь ценность для бурят в настоящем и будущем. И когда мы предлагали Вам условия по собиранию коллекции для музея Ал. III – руководствовались самыми бескорыстными и дружескими чувствами. Хотели устроить Вас наилучшим образом, как в материальном, так и в научно-нравственном отношениях, хотели поддержать Ваши научные занятия во имя интересов бурят и науки вообще, и Вас лично – в частности. Ведь ни для кого не секрет, что все Ваши материалы в высшей степени ценнее для науки и для нас бурят, если будут лежать в Ваших сундуках – никому не будут известны и никем не будут изданы ...»; «В музее Ал. III – теперь самая богатая в мире коллекция по шаманству» – писал Цыбен Жамсаранович в том же письме [Там же. Д. 5. Л. 7, 7об., 9об.]. И все это благодаря стараниям Матвея Николаевича Хангалова.

О том, как Ц. Жамцарано и М. Н. Хангалов, как и другие представители дореволюционной бурятской интеллигенции, переживали и болели душой за развитие образования и культуры бурятского народа характеризует цитата из письма, датированного 1907 г. «В качестве делегата от бур. учит. союза участвую в заседаниях комитета федерации учит. союзов. Мы решили составить сборник, по-

священный нуждам национальной школы в России. Срок для написания очерка дан до апреля 1907 г. Мы к этому сроку должны представить статью о наших школах в историческом развитии. Ведь, кажется, у Ваших бурят когда-то были школы национально-го характера, т. е. с преподаванием монг. языка. В Аларском ведомстве даже теперь помнят об этом. Не можете ли между дел совместно с И. Н. Амагаевым и др. собрать хотя бы самые необходимые сведения о бурятских школах? На этот случай посылаю Вам программу исследования. Может быть, бильчирская группа нашего союза составит очерк о состоянии школьного и (внешкольного) дела в своем районе. Нет ли у Вас попыток создать национальный театр при школах и народные чтения с волшебными фонарями на родном языке? ... Аларцам тоже пишу и посылаю программу исследования. По словам Бориса аларский отдел союза почти ничего не делает. Это очень грустно. И в самом деле – как у нас мало людей способных на нововведения! Нужна смелость и упорство, нужны подготовка, старание, бодрость и вера в свои идеалы! Мне становится тяжело, как только подумаю, что буряты могут подремать всю свою жизнь. Конечно – то, что учителя принялись за довершение образования и едут в институты, курсы пр., что наиболее мужественные уже проводят в жизнь свои идеи в стенах своей школы, что учащиеся начали интересоваться судьбой своих сородичей – все это – явления очень отрадные, но не все везде обстоит так хорошо. Получили ли письмо на имя Амагаева с резолюциями Всерос. учит. союза? Там самые важные для нас бурят – это резолюция о союзах молодежи – для спорта, самообразования, увеселения и пр. На этом кончаю письмо. Пишите, а то неосведомленность о бур. делах, в частности, делах нашего союза и национ. возрождения меня угнетают» [Там же. Д. 5. Л. 27-28 об.].

Искреннее и глубокое радение М. Н. Хангалова о судьбах просвещения среди бурят чувствуется в его ответном письме к Ц. Ж. Жамцарано: «Теперь сообщу наши новости. Недавно мы читали в “Сибири”, что в Учительской семинарии был педагогический со-

вет, на котором присутствовали Директор Семинарии, Директор народных училищ, знаток бурятского языка священник Василий Флоренсов и другие, они постановили при Учительской Семинарии учредить кафедру монголо-бурятского языка – шаг передовой. Недавно мы получили книги для чтения в бурятских школах – издание Иркутской переводческой комиссии должно полагать по распоряжению директора народных училищ без бумаги. Из частных слухов знаем, что они посланы для применения в наших школах, но мы не думаем, конечно, мы провалим, но только беспокоимся, будем ли мы действовать дружно. По этим книгам заниматься в бурятских школах невозможно. Следовало бы к этому времени иметь свой бурятский букварь» [Там же. Д. 5. Л. 20-21]. Рукопись этого букваря была отправлена Ц. Ж. Жамцарано: «Букварь посылаю на Ваше усмотрение с рукописями Не успел переписать бурятскими буквами, вы сами переделаете, т. е. русские слова пропустите. Материал для букваря (для чтения), песни, поговорки, загадки и пр., если успею, пошлю потом ...» [Там же. Д. 5. Л. 20].

В другом письме, в котором речь идёт о наиболее подходящих способах распространения книг на русском или бурятском языке среди бурят Унгинского ведомства, датированном 11 января 1901 г., он, обращаясь к некоему господину Александру Васильевичу Андрианову, разъясняет пользу неформального подхода в деле перевода православной и просветительской литературы на бурятский язык, специфику его фонетики и наречий: «1. В каждой бурятской семье нет грамотного, в нескольких семьях один грамотный, который может прочесть интересную книжку на бурятском или русском языке. Буряты в зимние вечера собираются и проводят время в разговорах или слушают сказки и пр. Они охотно послушали бы чтение на родном языке, чтение на русском языке мало достижимо, потому, что они не понимают русского языка или не могут перевести непонятные слова и выражения, вследствие этого чтение является не интересным. 2. Чтение на бурятском языке необходимо, буряты любят читать на родном языке, но только

материал для чтения и перевод должен быть понятным и доступным их пониманию. Этих переведённых книг буряты не читают, не понимают; обыкновенно переводят на разговорный бурятский язык, который переделывают на монгольский литературный язык, следствием этого является какой-то третий и непонятный язык; этот новый язык понимает только тот, кто читал. Если переводы будут на разговорном языке, с подходящими звуками и знаками буряты с интересом будут читать и понимать эти книги. Даже в училищах заметно, где учитель сознательно переводит уроки на бурятский язык, и ученики относятся к преподаваемому предмету сознательно и с любовью. Хотя взять священную историю (нельзя сказать, что некрещёные буряты были расположены к ней), если сознательно перевести, то с учениками домашние проходят священную историю. Ученики дома читают и передают содержание прочитанного на разговорный бурятский язык, домашние внимательно слушают. Если переводят несознательно, то ученик читает по-русски бессознательно и домашние не обращают внимания, что читает ученик. Если напечатать книги на разговорном бурятском языке их предания, сказки и пр., что заинтересует их. Большую пользу принесут переводы о различных явлениях природы и объяснении их, сведения о способах ведения хозяйства, простых болезнях и их лечении, а также из истории разных народов» [Там же. Д. 10. Л. 10-11об.]. М. Н. Хангалов тоже занимался переводами: «Я перевёл “Золотую рыбку” на наречие унгинских бурят» - писал он в одном из своих писем» [Там же. Д. 10. Л. 14]. Будучи талантливым педагогом он выступал против схоластики и бессмысленной зубрёжки в обучении. В Бильчирском училище им устраивались чтения для народа с демонстрацией картин при помощи проекционного фонаря, литературные вечера, спектакли, концерты. При училище имелась районная учительская библиотека, в которой в 1917 г. имелось 913 книг [Там же. Д. 83. Л. 93, 94].

Стоит упомянуть и письма его учеников – незаурядных политических деятелей Бурятии. В них – искренняя благодарность и

уважение к своему педагогу. Они обращаются за помощью и советом, делятся своими новостями. «Вот я на курсах в аудитории, у горнила света и знаний, которые так властно манили меня! Каждый день, каждый час, проведённый мною, полны благодарностью Вам всем, оказавшим моральную, материальную поддержку!» [Там же. Д. 9. Л. 24]. «Деньги получила 12 декабря и приношу глубокую благодарность за столь сочувственное отношение к моим стремлениям всем учителям, которые поделились с своего скудного трудового гонорара. Сознание, что в далёкой родной Сибири есть люди, заботящиеся обо мне, будет служить нравственным базисом для моей дальнейшей работы» - писала М. М. Сахьянова М. Н. Хангалову [Там же. Д. 9. Л. 26 об.].

Некоторые письма также наглядно иллюстрируют неумолимую деятельность М. Н. Хангалова по собиранию этнографических материалов. Например, в ответном письме к Ц. Ж. Жамцарано он писал: «Я достал полный и настоящий оргой, мяхабши, унты, хэсэ, тойбор, туг и много прочего, которые пошлю в музей Ал. Ш. Пока они у меня; я хотел сняться в полном шаманском одеянии, с колчаном, со стрелами и луком; одним словом в полном боевом оружии и в то же время в полном шаманском одеянии. ... Теперь трудно найти полное одеяние, следовательно, нужно воспользоваться случаем; после эта фотография пригодится нам для описания и восстановления давно минувших шаманов и полководцев галши» [Там же. Д. 5. Л. 15].

Как незаурядный и истинный ученый-этнограф он искренне переживал об исчезновении редких предметов материальной культуры бурят. В одном из своих писем к Д. А. Клеменцу М. Н. Хангалов сообщал: «Посылаю собранные коллекции в 4 ящиках. При собирании коллекций я старался собирать “хотхо онгод”, которые исчезают; скоро их совсем не будет и также собирал прочие священные изображения: хурэг, зураг и проч. ... Кроме того, очень важно рассмотреть все шаманские рощи, в них со дня на день бесследно исчезает множество очень важных и старинных шаманских

предметов, которые нужны для решения вопросов: они пропадают от палов, от невежества людей; таким образом, исчезают на глазах» [Там же. Д. 6. Л. 3, 3об., 5]. «Я хотел съездить к нижеудинским бурятам, на Усть-Оку, чтоб просмотреть изображение на камнях прежних шаманов и собрать старинные шаманские предметы, которые будут ценным кладом для науки», - писал он в другом письме [Там же. Д. 5. Л. 24].

Подводя итоги, нужно отметить, что эта переписка, как все его творческое наследие также является, во-первых, ценным источником для изучения истории бурятского шаманизма, во-вторых, отчасти характеризует развитие этнографии и религиоведения, в третьих, передаёт дух времени, в том числе и историю бурятской интеллигенции в начале XX в. Нужно добавить, что материалы данного фонда также нуждаются в дигитализации, в частности, письма, учитывая хрупкость носителя информации – бумаги XIX – начала XX вв., тем более, что некоторые письма написаны карандашом.

Литература

1. Дамбуева И. А. Творческое наследие М. Н. Хангалова в архивных фондах гг. Иркутска и Улан-Удэ // Вестник Иркутского Государственного Технического Университета. № 1 (84). Иркутск, 2014. С. 190-194.
2. Дашибалова Д. В. Архивное наследие М. Н. Хангалова в фондах ЦВРК ИМБТ СО РАН // Хангаловские чтения: мат-лы межрегиональной науч.-практ. конф. (Оса, 24 окт., 2008 г.). Усть-Ордынский, 2008. С. 20-25.
3. Залкинд Е. М. М. Н. Хангалов. Улан-Удэ, 1945. 64 с.
4. Залкинд Е. М., Хаптаев П. Т. М. Н. Хангалов. Улан-Удэ, 1983. 116 с.

Источники

5. ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ № 4. Оп. 1. Д. 5, 6, 9, 10, 83.

References

1. Dambueva I. A. Tvorcheskoe nasledie M. N. Khangalova v arkhivnykh fondakh g.g. Irkutsk i Ulan-Ude // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. № 1(84). Irkutsk, 2014. S. 190-194.

2. Dashibalova D. D. Arkhivnoe nasledie M. N. Khangalova v fondakh TSVRK IMBT SO RAN // Khangalovskie chteniia: mat-ly mezhhregionalnoi nauch.-pract. konf. (Osa, 24 okt., 2008). Ust-Ordynskii, 2008. S. 20-25.
3. Zalkind E. M. M. N. Khangalov. Ulan-Ude, 1945. 64 s.
4. Zalkind E. M., Khaptaev P. T. M. N. Khangalov. Ulan-Ude, 1983. 116 s.
5. TSVRK IMBT SO RAN/ LAF № 4. Op. 1. D. 5, 6, 9, 10, 83.